

О. А. ЛАПТЕВА

РАСПОЛОЖЕНИЕ КОМПОНЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО
СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО СТРУКТУРЫ

При практической классификации фразеологического материала исследователи обычно встречаются со значительными затруднениями. В какой из устанавливаемых разрядов отнести тот или иной фразеологизм? Зыбкость структурно-семантических граней отдельных групп даст разным исследователям основания для различных ответов на этот вопрос; при критике той или иной системы классификации обычно указывается на непоследовательность в оценке фразеологического материала¹. Не меньшие трудности возникают и при установлении того, какой же собственно языковой материал принадлежит к сфере фразеологизмов. Далеко не всегда оказывается легко определить границу между словосочетаниями свободными и фразеологически связанными.

Этот вопрос особенно остро встает при исследовании языка древнерусской книжной и деловой письменности, насыщенного разнообразными, очень часто употребляемыми стереотипными формулами, своего рода речевыми штампами. Обычно это словосочетания, весьма различные по своим конструктивным особенностям. Они характеризуются устойчивостью своего лексического состава, и в этом смысле к ним вполне применим термин «устойчивые словосочетания». Однако степень связанности значений компонентов таких устойчивых словосочетаний и отхода от прямого номинативного значения весьма неодинакова. Она может быть вполне отчетливой, но может быть и весьма незначительной, а может и вовсе отсутствовать. В последнем случае приходится говорить о своеобразном устойчивом словосочетании со свободными фразеологически не связанными значениями компонентов².

Несомненно, по-видимому, что многократная повторяемость словосочетания уже сама по себе создает большее единство, большую спаянность значения словосочетания, чем в параллельной конструкции свободного лексического наполнения. Однако это вовсе не обязательно приводит к семантическому перерождению словосочетания, к возникновению нового значения, уже не сводящегося к значению компонентов.

«Принудительность употребления» (пользуясь словами С. И. Ожегова³) стереотипных словосочетаний имеет и другие последствия. Будучи создано не для данного случая и за пределами данного отрезка речи, стереотипное словосочетание переносится в готовом виде в конструируемое высказывание, в связи с чем его потенциальная членимость в составе данного выска-

¹ См., например, Б. А. Л а р и н, Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов), сб. «Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике» («Уч. зап. ЛГУ», № 198. Серия филол. наук, вып. 24), 1956.

² Такого рода словосочетания не привлекают, как правило, внимания исследователей древнерусского языка. Ср., например, П. Я. Ч е р н ы х, Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период, М., 1956, стр. 23, где называются разные типы несвободных словосочетаний древнерусского языка.

³ С. И. О ж е г о в, О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка), «Лексикографический сборник», вып. II, М., 1957, стр. 46.

звания отличается от соответствующих возможностей свободного словосочетания. Именно, при выявлении коммуникативной нагрузки членов высказывания в связи с задачами его актуального членения стереотипное словосочетание обычно оказывается лишенным возможности различного акцентирования своих членов. Оно обычно выступает при актуальном членении высказывания в речи как целое, входя либо в состав данного, либо в состав нового, но не допуская в этом отношении разрыва своих членов¹. Таким образом, интересующие нас здесь словосочетания — речевые штампы (с точки зрения функциональной их можно было бы назвать «стереотипными», с точки зрения их лексической структуры — «устойчивыми», хотя последний термин имеет в литературе весьма различное толкование и как термин в собственном смысле слова строго не определен, а в применении к рассматриваемым словосочетаниям он порой оказывается весьма условным) отличаются по своим наиболее общим конструктивным признакам от свободных словосочетаний. Позволяет ли это отнести их к фразеологическим единицам языка?

Обычно, говоря о специфике фразеологизма, исследователи в первую очередь называют признак «добавочного значения», метафоризации значений компонентов словосочетания. При этом указывается на то, что значение словосочетания не сводится к сумме значений его компонентов². При таком понимании фразеологизма значительная часть стереотипных словосочетаний оказывается за пределами устанавливаемых таким образом фразеологических единиц.

Особенно ярко это сказывается в статье С. И. Абакумова «Устойчивые сочетания слов» («Р. яз. в шк.», 1936, № 1), где выделяются лишь две группы устойчивых словосочетаний — единства, равные слову, и идиомы, в составе которых слова «получают переносные значения более общего характера» (стр. 60). Огромная масса устойчивых словосочетаний, не обладающих этими признаками, остается здесь без характеристики.

Из числа устойчивых формул, употребляющихся в древнерусских памятниках, можно назвать немало таких, которые не обладают никакой метафоричностью, «добавочностью» значения. На особое место подобных единиц во фразеологии современного русского языка недавно едва ли не впервые обратил внимание С. И. Ожегов (см. С. И. О ж е г о в, указ. соч.). Включая их в состав фразеологических единиц, С. И. Ожегов отступает в связи с этим от общепринятого понимания фразеологизма. Он указывает, что фразеологическая единица не обязательно характеризуется семантическим сдвигом. Признак «несводимости значения», по С. И. Ожегову, является второстепенным, а в качестве главного признака называется семантическая монолитность

¹ В самое последнее время Ф. Д а н е ш обратил внимание на то, что возможность «смыслового членения» различна у различных видов «синтагм» и зависит от того, насколько устойчива последовательность их членов (см. Fr. D a n e š, K otázce pořádku slov v slovanských jazycích, SaS, ročn. XX, číslo 1, 1959). Намечая в этом отношении определенную «иерархию», Ф. Данеш считает, что «требованиям к порядку слов со стороны смыслового членения не подчиняются тесные синтагмы с неизменным порядком слов» (резюме на русск. яз., стр. 9). Эта весьма интересная попытка подойти к актуальному членению со стороны внутренних, структурных возможностей предложения в духе чешской традиции утверждает грамматическую точку зрения на явления словоупотребления. Однако здесь можно было бы возразить против установления непосредственной связи между невозможностью актуального членения и неизменяемостью порядка слов, поскольку сама эта неизменяемость может быть и не фактом синтаксиса, но фактом словоупотребления, речевой практики. Таким образом, причины невозможности актуального членения синтагмы не ограничиваются пределами ее структурных особенностей.

² Из последних работ см.: Г. П. Л е в ч у к, Фразеологические сочетания в русской демократической сатире XVII в., «Наук. зап. [Київськ. держ. пед. ін-ту]», т. XXVI — Збірник праць аспірантів, вип. 1, 1957, стр. 34, 44; В. А. Л а р и н, указ. соч., стр. 213, 219—220; И. С. К о з ы р е в, Устойчивые словосочетания с местоименными словами в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953, стр. 20; М. В. К р ы л о в а, Словосочетания из существительных с временным значением с существительными и прилагательными (К вопросу о переходе свободных словосочетаний в фразеологические). Автореф. канд. диссерт., М., 1955, стр. 9; Д. Б. З а м ч у к, О некоторых семантических процессах, происходящих при образовании и функционировании фразеологических единиц немецкого языка, сб. «Вопросы лексикологии и стилистики германских языков» («Уч. зап. ЛГУ», № 260. Серия филол. наук, вып. 48), 1958, стр. 103.

фразеологической единицы, ее смысловая целостность (стр. 41). Надо сказать, что этот последний критерий весьма расплывчат и в применении к фразеологическому материалу сам нуждается в определении, поскольку целостным смыслом обладают также многие свободные словосочетания, в особенности атрибутивные. Во всяком случае, едва ли можно полагать, что семантическая монолитность создает ту грань, которая отделяет свободные словосочетания от фразеологически связанных¹.

Грамматическая структура значительной части устойчивых формул, употребляемых в древнерусских памятниках, обычно определяется четко, наличие синтаксическая разложимость, лексическая сочетаемость компонентов не имеет узких границ. Далеко не всегда при этом такие словосочетания являются терминами-названиями, для которых вообще характерно сохранение мотивированности семантических отношений компонентов². Вместе с тем словосочетания указанного типа зачастую бывают не менее употребительны в памятниках, чем фразеологизмы в собственном смысле слова. Если в словосочетании *с малю дружить, с малю дружию* можно обнаружить единство значения, возникшее на базе значений компонентов, но уже не сводящееся к этим значениям (в особенности ср. употребление этого словосочетания в поздних летописных записях, после исчезновения соответствующей реалии), то в антонимичных или синонимичных словосочетаниях *со многими вои, со многими силами, собра вои мнози, с малю вои* о таком «добавочном значении» говорить трудно. О нем также вряд ли можно говорить в отношении таких стереотипных словосочетаний, как *примиз полонь великъ, дать дары мнози*. В словосочетании *каменьем драгомъ* как будто существует единое значение, не сводящееся к значениям его компонентов (ср. современ. *драгоценный камень*). Но можно ли говорить об отходе от прямого номинативного значения в словосочетании *жемчужомъ великимъ*? И можно ли здесь говорить о реализации несвободных значений слов? А между тем условия употребления и распространенность формул первого и второго рода совершенно идентичны. Ср. еще: *честный крестъ, дикие половци, оканные половци*. Лексикализованный характер таких устойчивых единств — личных имен-прозвищ, в основе которых лежит употребление собственного имени с постоянным эпитетом, как *Мьстиславъ Ньмыи, Дмитр Хоробры, Твердислав Черныи, Добрыня Долги, Вячеславъ Толстыи, Федор Пестрыи* и под., по-видимому, не вызывает сомнений. Но ср. не отличающиеся от них по степени употребительности словосочетания типа *Филъ гордыи, жившии Жирославъ* и под., где прилагательное в большей мере сохраняет характер эпитета. Ср. также терминологические сочетания типа *больрские дѣти, лешыи людие, нарочитые мужи, черные люди, молодежьшаи братыи* и под., и такие словосочетания, как *добрии людие, купци старыиши* и под.; *блгач рыбаца, черныи куны, по чернь куны* и под. и *на черном воску, на красном воску* и под.

Следует заметить, что явная недостаточность понятия «добавочного значения» для выявления несвободных словосочетаний древнерусского языка в ряде случаев побуждает исследователей при определении конкретных фразеологизмов обращаться к данным, лежащим вне структуры фразеологической единицы. Так, В. Л. Архангельский для выделения фразеологических сочетаний в языке Поучения Владимира Мономаха прибегает к сопоставлению представленных там стереотипных словосочетаний с языковым материалом других памятников того же времени, с материалом современного языка, фольклора и т. д.³

¹ О семантической монолитности свободных словосочетаний см.: В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1959, стр. 154—155.

² См. об этом З. В. Дюкова, К вопросу о выражении подлежащего фразеологическим единицами, «Уч. зап. [Ростовск.-на-Дону ун-та]», т. 64. Серия филологическая, вып. 5, 1957, стр. 230. Характеристику словосочетаний терминологического характера см. в статье: С. Сивова, Към въпроса за устойчивите съчетания в български език — сложни названия и термини, «Български език», год. VIII, кн. 1, 1958.

³ См. В. Л. Архангельский, Фразеология Поучения Владимира Мономаха в связи с общими вопросами фразеологии русского языка. Автореф. канд. диссерт., М., 1950, стр. 12.

Естественно, в отношении словосочетаний, не являющихся фразеологизмами в узком смысле слова (равно как и устойчивыми сложными наименованиями), но и не являющихся свободными словосочетаниями в силу специфики своего употребления (используются как готовые формулы), возникает вопрос: ведет ли их стереотипность к изменению их формально-грамматических свойств? Создает ли она какую-либо общность структур этих словосочетаний и фразеологических единиц в узком смысле слова? Позволяет ли говорить о них как о «раздельно оформленных единицах»?»

Эти вопросы заставляют с большим вниманием отнестись к формально-грамматическим показателям стереотипных формул, «устойчивых словосочетаний» в широком смысле слова (лежащих как бы на границе между словосочетаниями свободными и фразеологическими), для которых наиболее показательным признаком является широкая их употребляемость в древнерусской письменности¹. Оказывается, что такие словосочетания сближаются с фразеологическими единицами, помимо большой употребительности, также и некоторыми особенностями в расположении их компонентов.

Наиболее интересными в этом отношении окажутся, пожалуй, атрибутивные словосочетания, обладающие большой смысловой целостностью и в связи с этим — четко определенными значениями различных моделей следования их членов. Расположение компонентов атрибутивного словосочетания произвольного лексического состава, как показывают наблюдения, определялось в древнерусском языке рядом факторов, связанных с конструированием такого словосочетания или с коммуникативными задачами соответствующего предложения. Различные способы взаиморасположения определяемого и определяющего имели неодинаковые грамматические функции и в своей совокупности составляли систему средств с дифференцированными и взаимопротивопоставленными значениями².

Выбор того или иного способа расположения компонентов устойчивого словосочетания, напротив, оказывается лишенным функциональной значимости, внутренне не мотивированным. Он не связан с актуальным членением в речи словосочетания и предложения, в состав которого входит данное словосочетание³. При наблюдении над функционированием стереотипных формул оказывается невозможным установить тот или иной характер семантического взаимоотношения компонентов словосочетания, ту или иную синтаксическую структуру предложения, наконец, тот или иной тип широкого контекста, который был бы связан с определенным порядком следования членов словосочетания. Характерно, что такая независимость словорасположения обычно не выходит за рамки стереотипных формул — аналогов свободных атрибутивных словосочетаний.

Исследователи не всегда называют тот или иной способ расположения членов в качестве форманта фразеологизма⁴. Если же эта особенность и

¹ С. И. Ожегов для подобных «штампов» современного русского языка предлагает термин «обычные словосочетания» (указ. соч., стр. 46), маловыразительный в собственно языковом отношении. Следует согласиться с тем исследователем, которые предлагают разграничивать понятия (и, соответственно, термины) фразеологической единицы, обладающей той или иной степенью семантно-грамматического единства членов, и устойчивого словосочетания, значение которого складывается на базе значений его компонентов (ср. З. В. Д о н с к о в а, указ. соч.). В дальнейшем для простоты мы будем пользоваться термином «устойчивое словосочетание».

² Подробнее об этом см. в нашей статье «Расположение древнерусского одиночного атрибутивного прилагательного», сб. «Славянское языкознание» (в печати).

³ Ср. у Г. Я. Д е м е н т ь е в о й (указ. соч., стр. 7): «Нельзя утверждать, что с перемещением слов, допускаемым внутри фразеологизмов, соединяется изменение оттенков смысла. Фразеологические выражения стилистически сильны, экспрессивны и по природе своей не нуждаются в тех оттенках, которые вносит изменение порядка слов».

⁴ Так, Г. П. Л е в ч у к в указ. статье приводит словосочетание *корсткий ум* (стр. 30) с различным взаиморасположением компонентов, однако особо это не оговаривает. Ср. также Л. В. О р л о в а, Неразложимые словосочетания, употребляющиеся в современном русском языке в роли обстоятельства. Автореф. канд. диссерт., М., 1951.

обращает на себя внимание (наряду с незаменимостью компонентов), то обычно здесь говорится о неизменяемости в расположении членов фразеологизма¹. Как правило, это указание сопровождается оговорками о том, что такая неизменяемость не носит абсолютного характера². Действительно, в отношении большинства русских фразеологизмов трудно говорить о совершенно твердом взаиморасположении их компонентов. Однако вряд ли все же следует отказываться от установления обусловленности самой этой непоследовательности.

Так, при наблюдении над устойчивыми словосочетаниями, построенными по модели атрибутивных с согласованным определеншем-прилагательным, обнаруживается ряд ограничительных условий, регулирующих выбор того или иного порядка следования их компонентов. Нужно оговориться, что устойчивый характер словосочетания не допускает, как правило, дистантного расположения членов, их разъединения. В пределах же контактного расположения выбор одной из двух возможных моделей определяется различными факторами, внешними по отношению к структуре словосочетания и не соотношенными с задачами актуального членения речи. Подобную определенность, очевидно, следует связывать с характером синтаксических отношений между членами свободного атрибутивного словосочетания, обнаруживающих отчетливо выраженную подчиненность согласуемого определения определяемому³. Этим объясняется и наличие в данной группе наиболее последовательно выдерживаемой (по сравнению с другими синтаксическими группами) модели взаиморасположения членов.

Не ставя своей задачей выяснение структурно-семантических особенностей различных устойчивых словосочетаний и привлекая к исследованию устойчивые словосочетания весьма различной структурно-семантической характеристики (здесь окажутся словосочетания, сохраняющие прямое номинативное значение, словосочетания, приобретшие «добавочное значение», а также словосочетания лексикализованного, терминологического характера), сделаем некоторые наблюдения над особенностями расположения их членов. В целях большей лексической однородности материала привлекаем все те наиболее распространенные стереотипные словосочетания атрибутивного характера, в которых в качестве согласуемого члена выступали прилагательные *многий*, *великий* и менее употребительное *малый* в членной или нечленной форме.

*

Устойчивые словосочетания, состоящие из существительного и прилагательного *великий*, *многий*, *малый*, широко употреблялись в древнерусских памятниках и допускали в древнерусском языке оба возможных контактных способа расположения своих членов. Ни один из этих способов нельзя считать преобладающим и наиболее характерным для периода XI—XVII вв.⁴. В отличие от аналогичных окказиональных словосочета-

¹ Ср.: В. Л. Архангельский, указ. соч., стр. 10; Г. А. Селиванов, Фразеология повгородских договорных грамот XIII—XIV вв. Автореф. канд. диссерт., Саратов, 1953, стр. 8.

² См., например: Б. А. Ларин, указ. соч., стр. 106; А. Я. Рожанский, Идиомы и их перевод, «Иж. яз. в шк.», 1948, № 3, стр. 25; Н. Я. Габараев, Русские фразеологические единицы и их соответствия в осетинском языке (На материале переводов с русского языка на осетинский). Автореф. канд. диссерт., Тбилиси, 1956, стр. 14; Г. Я. Деметьев, Семантико-стилистические особенности фразеологических выражений в современном русском языке. Автореф. канд. диссерт., Алма-Ата, 1955, стр. 7.

³ Об этом см., например, в канд. диссертации А. С. Посвянской «К вопросу о порядке слов в иольском языке (место одиночного определения, выраженного именем прилагательным)» (М., 1954).

⁴ Обследованы следующие памятники: «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), изд. 2-е, т. I, вып. 1, Л., 1926 (принимается обозначение П); «Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку», ПСРЛ, изд. 2-е, т. I, вып. 2, Л., 1927 (Л); «Ипатьевская летопись», ПСРЛ, изд. 2-е, т. II, СПб., 1908 (Ип.); «Новгородская первая летопись старшего и младшего

ний, порядок следования членов которых находился в зависимости от задач актуального членения речи, в устойчивых словосочетаниях наблюдаются иные отношения. В ряде случаев отмечена полная произвольность в выборе той или иной модели. Таких случаев немного. В числе словосочетаний с абсолютно произвольным расположением членов можно назвать лишь следующие.

Взя (или другой глагол той же семантической группы) *полонь много* (*великъ*). В этом словосочетании, широко распространенном в языке летописей, допускаются оба возможных способа расположения существительного и прилагательного, причем выбор одного из них не определяется какими-либо условиями. Ср. аналогичные строение предложения в случаях с постпозитивным прилагательным типа: «Мстиславъ ходи на Литву. и вземъ *полонь много*» (Л 301 1131); «и воєваша б. до вечера. и *плнь великъ*. приимше» (Ип 272 1251) и в следующих случаях с препозитивным прилагательным: «и тако сузвратишася въ свояси. *много* *полонь* вземъше» (Ип 118 1145); «королю стоапоу. во Володимѣра. казашъ же Даниль приа *великъ* *плнь*.» (Ип 259 об. 1231). Помимо словосочетания в форме вин. падежа отмечено несколько случаев с творительным, также с безразличным выбором места прилагательного. Ср.: «а они възвратишася со *многымъ* *полономъ* в вежѣ.» (Л 339 1186) и «возратишася во свояси съ *полномъ* *многимъ*» (Радз., Троицк. 179 1205). Произвольность в расположении прилагательного сочетается с рядом формальных признаков, свидетельствующих об узуальном характере словосочетания: закрепленность нечленной формы прилагательного в вин. падеже и членной — в твор. падеже; отсутствие других надежных форм словосочетания; преимущественность формы вин. падежа (22 случая винительного и 4 творительного); закрепленность формы ед. числа (во мн. числе словосочетание отмечено лишь 1 раз, в форме вин. падежа); взаимозаменяемость компонентов *много* — *великъ* только в форме вин. падежа (в твор. падеже употребляется лишь прилагательное *многий*). Наряду с отсутствием каких-либо специальных условий при выборе того или иного способа расположения наблюдается определенное предпочтение постпозитивного расположения прилагательного — на 16 случаев его постпозиции в вин. падеже приходится лишь 6 случаев препозиции (для формы твор. падежа подсчет не показателен в связи с ее малой распространенностью — 3 случая препозиции прилагательного и 1 случай постпозиции).

Сходным образом употребляется (также только в летописях) словосочетание *дары много*, известное в формах вин. падежа и твор. падежа. При идентичном строении предложения возможны обе модели следования членов словосочетания. Ср.: «и даша ему *дары много*» (Л 404 1186); «Глѣбъ же възва Мстислава. на обѣдъ к собѣ и *много* *дары* давъ ему отпусти и с любовью» (Ип 193 1170). В форме твор. падежа: «и отпустиша ю с *дары велики* и съ честию» (И 108 987); «и одаривъ *многими дарми*...» (Ип 177 1159).

Изводов, М.—Л., 1950 (Синодальный список) (С); «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)», М.—Л., 1950 (У); «Сибирские летописи», изд. Имп. Археогр. комиссии, СПб., 1907 (Кунгурская летопись по Ремизовскому списку) (Р); «Русская Правда. Пространный список в составе Новгородской кормчей 1282 г.», М.—Л., 1950 (Синодальный список); А. Шахматов, Исследования о языке Новгородских грамот XIII и XIV вв., СПб., 1896 (Новг.); «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», подгот. к печати Л. В. Черепниным, М.—Л., 1950; «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв.», т. 1, М., 1952 (из последних двух сборников исследованию подверглись грамоты, представляющие определенный тип аналогичных документов); «Домострой по Коншинскому списку», подгот. к изданию А. Орловым, «Чтения в Имп. об-ве истории и древностей российских...», кн. 2, М., 1908; «О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина», 4-е изд., СПб., 1906 (К); «Суд Шемякина», «Сказание о крестьянском сыне», сб. «Русская демократическая сатира XVIII в. Подгот. текстов Адриановой-Перетц», М.—Л., 1954 (Новг.); «Новость о Фроде Скобееве», кн. 1, 1934 (Ф). Примеры приводятся в несколько упрощенном написании.

В данном словосочетании наблюдается постоянство лексического состава; отклонения незначительны: с прилагательным *великъ* встретилось лишь 2 случая — 1 в твор. падеже и 1 в вин. падеже. Рассматриваемое словосочетание обнаруживает следующие признаки формального единства: отсутствие иных падежных форм, кроме форм вин. и твор. падежей (при этом не отдается предпочтения ни той, ни другой форме); закрепленность формы только мн. числа; закрепленность нечисленной формы прилагательного за вин. падежом и членной — за твор. падежом (в твор. падеже встретился 1 случай нечисленной формы, однако не прилагательного *многий*, а прилагательного *великъ*, вообще для данного словосочетания не характерного). Если для словосочетания *полонъ много* можно было отметить количественное преобладание постпозитивного расположения прилагательного, то для словосочетания *бары многы* числовой подсчет оказывается не показательным: в твор. падеже на 7 случаев препозитивного употребления прилагательного приходится 9 случаев постпозитивного, в винительном — на 7 случаев препозитивного 6 случаев постпозитивного.

Наконец, полная произвольность в выборе порядка следования членов наблюдается в словосочетании *со многою (великою) силою* в форме твор. падежа (словосочетание известно в летописях также и в форме вин. падежа, однако в этом последнем случае расположение компонентов словосочетания иное, о чем ниже). Ср. следующие случаи: «в то же верема придоша къ Изяславу Володимиру Оугре в помощь. и Болеславъ Лядский кнзь съ братомъ своимъ Индрихомъ. съ многою силою.» (Ип 140 об. 1149); «И выиде от восточныя стороны от Синяя Орды нѣкии царь, именемъ Тактамыш, со многими силами» (У 174 об. — 175 1381); «донже приде. Боуранда. со силою великою» (Ип 282 об. 1260); «пришедши же к Вышегороду с силою многою.» (Л 365 1174). Словосочетание употребляется в обоих числах, причем с прилагательным *великий* возможно лишь в ед. числе. Во мн. числе словосочетание употребляется только в У и только с членной формой прилагательного. На 11 случаев с препозицией прилагательного встретилось 7 случаев с постпозицией. Строго говоря, относительное безразличие в выборе модели с тем или иным взаиморасположением компонентов присуще лишь Ипатьевскому списку, где имеет место и тот и другой порядок следования компонентов, хотя и наблюдается некоторое предпочтение постпозиции: на 3 случая препозиции приходится 6 случаев постпозиции прилагательного. Что касается У, в котором также неоднократно употребляется это словосочетание, то здесь известна только препозиция прилагательного (8 случаев). В Л встретился лишь один случай употребления этого словосочетания, причем с постпозитивным прилагательным.

Охарактеризованное произвольное расположение компонентов стереотипных словосочетаний, состоящих из существительного и прилагательного *много* (*великъ*), возможно лишь для перечисленных трех случаев (для последнего из них с оговорками). Для основной массы словосочетаний этого рода свойственны определенные ограничительные условия, регулирующие их оформление по той или иной модели расположения членов. Условия эти сводятся к следующему.

1. В языке древнерусских памятников имеется немало словосочетаний, известных лишь с определенным, строго выдерживаемым порядком следования членов. Определенность формы у этих словосочетаний сочетается с определенностью лексического состава. Только с постпозитивным прилагательным известны следующие словосочетания:

(сб) *плачемъ великимъ*: «и тако положиша и въ цркви стѣа Бѣа Володимери съ плачемъ великомъ.» (к-ым — Хлебн., Погод.) (Ип 187 1164). Употребление именной или местоименной формы одинаково возможно и варьируется по спискам, хотя предпочитается именная. Всего отмечено 17 случаев. Возможно употребление прилагательного *велии*: «и плакаша по немъ плачемъ велимъ.» (Л 444 1218). 1 раз в Ип словосочетание встре-

тилось при ином глагольном управлении: «и створиѣста *плачъ великъ*» (Ип 125 1146).

въ силъ велицъ (тяжцъ): «Приде Стополкъ съ Печенѣгы, в силѣ тяжцѣ, и Ярославъ собра множество вои.» (П 144 1019); «Придоша Нѣмци в силъ велицъ подѣ Пльсковъ» (С 146 об.). Всего 17 случаев. С прилагательным *тяжцъ* словосочетание употребляется в Ип, с прилагательным *велицъ* — в С; в Л употребляется и то и другое прилагательное. Интересно, что единственное нарушение этой модели встретилось в У, в котором вообще это словосочетание не употребляется, причем представлено другое прилагательное: «Окаянныи же и поганый Мамаи во мнозѣ силъ возгордѣся, мня себе, аки царя» (У 162 — 162 об. 1380). В одном случае в П отмечено повторение предлога при постпозитивном прилагательном: «и приде ко Црюгороду въ силъ въ велицъ в гордости, и створи миръ с Рамономъ црмъ.» (П 43 929). 1 раз встретилось словосочетание *у силахъ тяжкихъ* в форме мн. числа и с членной формой постпозитивного прилагательного: «адроузии Половцѣ, идоша по оной сторонѣ к Поутивлю. Кза оу силахъ тяжкихъ.» (Ип 226 1185). В целом следует отметить, что последовательная формальная неизменяемость этого словосочетания включает в себя и строго закреплённый словопорядок.

Только с препозитивным прилагательным известны следующие словосочетания:

великымъ священнемъ: «и церковь святы святѣи Богородици великымъ священнемъ» (С 25). Отмечена только членная форма прилагательного. Всего 10 случаев.

многое (бесчисленное) множество: «пакы иноплеменници собраша полки свои многе множество, и выступиша яко борове велиции, и тмами тмы и оступиша полкы Рускыи» (Ип 100 1111); «и плениша же и скота *бесчисленое множество*» (Ип 110 об. 1135). Всего 41 случай. Словосочетание преимущественно употребляется в форме вин. падежа, однако возможно также в именительном (2 случая), творительном (2 случая) и местном (1 случай). Обычно употребляемая форма прилагательного — членная; с нечленной формой встретилось только 2 случая (в форме вин. падежа, оба принадлежат Л). В Р и С, где вообще словосочетание не представлено, встретилось 3 случая употребления синонимичного словосочетания с другим существительным: «и похитилъ у калмыковъ коней *многое число*» (Р 132); «О, велика бяше сѣя Вожяномъ, и паде ихъ *бесчисленое число*; а самого князя отпустиша бога дѣля» (С 4 об.). С постпозитивным прилагательным отмечен лишь 1 случай, причем он относится к С, где данное словосочетание, вообще не употребляясь, не могло закрепиться в какой-либо определенной форме. Пример из С: «и паде обоихъ множество много» (С 40 об.).

в малъ дружинѣ: «только убѣжа одинъ князь Герденъ в малъ дружинѣ» (С 142 об.). Всего отмечено 17 случаев. 1 случай с заменой существительного относится к У: «...приде нарѣ Махмет на Белеву ратью в малъ силъ, а князь великии послал своих воевод многих» (У 253 об. 1438). В П отмечен 1 случай дистантного расположения членов словосочетания: «аще поидет па вы с Лѣхы губити вастъ то вѣ противу кму ратью, не давѣ бо погубити града *ѡца* своего аще ли хочеть с миромъ то в малъ придеть *дружинѣ*» (П 173 1069). Во всех встреченных случаях прилагательное имеет только нечленную форму, известна лишь форма ед. числа. Рассматриваемое словосочетание известно и в форме твор. падежа, также только с препозитивным прилагательным: «Глѣбъ же вборзѣ вѣдѣ па конѣ с *малою дружиною* поиде, бѣ бо послушливъ ѡцю.» (П 135 1015). Всего 11 случаев. В Р встретился синонимичный оборот с заменой существительного: «Кучюм же убежа отъ них с *малыми людми* в Нагаискую землю» (Р 132).

Различные стереотипные словосочетания со значением отрезка времени, образуемые прилагательными *многий*, *малый* и под. (и в нечленной, и в членной форме) и существительными *время*, *лѣта*, *дни*, *часъ* и под., выступают в форме различных косвенных падежей (вин., дат., род., местн. п.); в зависимости от того, какое существительное входит в состав словосочетания, последнее может выступать в форме и ед. и мн. числа (так, например, *время*, *часъ* выступают лишь в форме ед. числа, *лѣта*, *дни* — лишь мн. числа). Все словосочетания такого рода употребляются в памятниках только с препозитивными прилагательными. Некоторые особенности их состава и структуры связаны с тем, в каких памятниках они встретились. Так, в II встречается лишь словосочетание *много лѣта* в форме род. и вин. падежей. Более разнообразие лексического состава и падежных форм свойственно более поздним памятникам. Членные формы прилагательных в словосочетаниях этой группы широко распространены в основной части K и в повестях XVII в., в то время как в летописях обычны нечленные формы (из 4 встреченных в летописях членных форм лишь один случай относится к Л, остальные 3 взяты из поздней Кунгурской летописи).

Приведем характерные примеры употребления словосочетаний этой группы: «обновити ветхый миръ-ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола-разорити *от много лѣтъ* и оутвердити любовь-между Греки и Русью.» (П 47 945); «Царствова же той царь, по смерти брата своего въ печали *немного лѣта*, представися» (K 3 об.) (всего 7 случаев); «и бысть яко мѣсяц, и съмрчеся, и *по мале времени* напѣлнися и пакы просвѣтися» (С 48) (всего 7 случаев); «...перещу и бше мало врем а.» (Ип 189 об. 1168); «...для того, что она с нею *много время* не видалас» (Ф 273) (8 случаев); «ту бѣ велий бой *по мнози дни*» (Р 37) (11 случаев); «сѣлипали бо ся бяху *на мале часу*» (С 43 об. — 44) (2 случая). С членными формами: «и бываеъ царь на того челоувѣка гнѣвень, и очей его царскихъ не видить *многое время*» (K 64 об.) (2 случая); «И на того боярина царь быль *долгое время* гнѣвень» (K 148) (10 случаев); «не медля *ни малого времени*...» (Ф 3 294) (3 случая); «Пожалуй отпусти любезную свою дочь Анюшку для свидания со мною, понеже *многия годы* не видала еѣ» (Ф 273 Унд., Тит.) (4 случая). Ср. пример из Новгородских берестяных грамот: «И тои аци вопрошаеъ Местисловъ сыно дого *мала года* и ту а стою» (№ 68, XIII в.). С постпозитивным прилагательным словосочетание встретилось 1 раз в П: «и *в лѣта много* хранить останок.» (П 5).

великъ день. Это словосочетание, обладающее определенным терминологическим значением и сохранившееся в ряде современных славянских языков в качестве сложного слова, имеет строго фиксированную форму — только препозитивное и только нечленное прилагательное. Мена лексических компонентов невозможна. В памятниках словосочетание отмечено в форме различных косвенных падежей: «*По величь дни* Фомиѣ недѣли...» (С 108); «того же лѣта с *велика дни* посла князь Рюрикъ Глѣба кнАзА.» (Ип 228 об. 1187); и *бѣ к великою дни* на вербеницю» (Ип 125 1147); «... *на велик день* апрѣля в 20 день» (У 218 об. 1410); «того ти не поминати, што продано княжихъ волости *до велика дни*» (Повг. 15) (всего 12 случаев).

Прилагательное *великий* в членной форме в сочетании с существительными — названиями дней недели употребляется в памятниках для обозначения дней пасхальной недели и занимает обычно препозитивное положение: «...а *Стополкъ* вниде въ градъ *в великую субботу*.» (П 269 1097) (всего 5 случаев). Впрочем в С зафиксирован 1 случай и с постпозитивным прилагательным. В словосочетании *великое говѣнье* прилагательное также имеет только членную форму и занимает только препозитивное положение: «Тое же весны *в великое говѣнье*...» (У 283 об. 1462); «и сѣде окованъ от гос-

пожжина дни до великаго говѣнья» (С 117). Отмечены формы винительного, родительного, творительного падежей. Всего 11 случаев.

2. Тот или иной способ расположения членов стереотипного словосочетания мог определяться тем, какое из взаимозаменяемых и близких по значению существительных было употреблено в его составе. Стереотипный характер формулы не исключал в ряде случаев возможности варьирования элементов, выбора одного из двух или нескольких семантически родственных существительных. Сходство в значениях таких существительных в их свободном употреблении проявлялось значительно слабее, чем в составе устойчивого словосочетания, где возможность обращения в сходных случаях к одной из существующих формул создавала определенную синонимичность словосочетаний с разными существительными при значительном ослаблении прямого номинативного значения словосочетаний. За каждым из образующихся вариантов мог закрепиться определенный порядок следования членов, подобно тому как в аналогичных условиях закреплялась в пределах одного варианта членная или нечленная форма прилагательного, та или иная падежная форма или форма числа.

Так, в словосочетании с *великою любовью* в форме твор. падежа, употребляемом в языке летописей, прилагательное, как правило, занимало только препозитивное положение. Ср.: «бл̄жньиъ же ѿп̄шъ Кірілъ. Борисъ и Гл̄бъ и мати ихъ Мр̄я кн̄Агини · чтиша Олександра съ великою любовью» (Л 475 1259) (всего 8 случаев; с постпозитивным прилагательным встретился лишь 1 случай). В то же время в словосочетаниях с *радостью великою*, с *славою великою* известен почти исключительно лишь такой порядок: «[и почаша целовати стоӯбцю — Радз., Акад.] с радостью великою и со слезами.» (Л 353 1164); «· кн̄Азь же Рюрикъ. сн̄ь Ростиславль. вниде въ Къевь. славою великою и чт̄ю.» (Ип 202 об. 1174) (всего 27 случаев; с препозитивным прилагательным встретилось лишь по одному случаю в сочетании с каждым из этих двух существительных). Также только с постпозитивным прилагательным употребляются словосочетания, в состав которых входит существительное *похвала* [« съ чт̄ю и похвалою селикою поидоша къ Киеву» (Ип 159 1151)]. Что касается существительного *честь*, которое могло входить в состав подобного словосочетания, то определяющее его прилагательное могло безразлично занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение (с некоторым количественным преобладанием постпозиции). Ср.: «· а самъ со мноствомъ полона с великою чт̄ю отиде в своѣси.» (Л 469 1239) (всего 21 случай); «сѣде. на столѣ дѣда своего и ѿца своего. с честью великою» (Ип 151 1150) (всего 32 случая). Нормы конструирования словосочетаний данной группы осложняются тем, что охарактеризованные особенности свойственны лишь форме твор. падежа. В других падежных формах наблюдаются иные отношения, причем на выбор той или иной модели влияет также и форма прилагательного.

Любопытное соотношение показывают параллельные словосочетания *князь великий* — *княгини великая*. В языке московских и северо-восточных грамот XIV—XVI вв. для словосочетания *князь великий* характерны строго соблюдаемые особенности взаиморасположения членов, если словосочетание имеет форму им. падежа: прилагательное в таком случае всегда находится в постпозиции; в косвенных падежах преобладает позиция прилагательного (в В на 14 случаев позиция встретилось 2 случая постпозиции, в Ч на 39 случаев препозиции — 28 случаев постпозиции). Иные отношения наблюдаются между членами словосочетания *княгини великая*, вообще в силу обстоятельств реального характера употребляемого несколько реже: здесь строгие нормы представлены в косвенных падежах, где прилагательное может занимать только препозитивное поло-

жение. В именительном же падеже на 3 встреченных случая с препозицией прилагательного приходится 2 с постпозицией.

В лексикализованных словосочетаниях — названиях городов, в состав которых входит прилагательное *великий*, также наблюдаются различные отношения в зависимости от того, при каком имени собственном употреблено прилагательное. Так, в словосочетании *Новъгородъ Великий* в косвенных падежах возможен любой порядок следования членов; препозиция прилагательного несколько преобладает. В названиях же других городов, правда, гораздо менее употребительных (*Великая Пермь, Великий Римъ*), прилагательное встретилось только в препозитивном положении.

3. В ряде словосочетаний порядок расположения членов зависит от их падежной формы. Распределение разных способов постановки слов в устойчивом словосочетании в зависимости от падежа было в памятниках XIII—XVII вв. распространенным ограничительным условием при построении стереотипной формулы и нередко сочеталось с закреплением в данной падежной форме прилагательного, сформированного по какому-либо одному (членному или нечленному) типу.

Так, словосочетание *со многими вои* в форме твор. падежа употребляется в языке летописей только с препозитивным прилагательным, имеющим обязательно членную форму: «и от Пересояниди. приде Мьстиславъ. Ньмыи *со многими вои*» (Ип 247 об. 1208) (всего 4 случая). В винительном же падеже в этом словосочетании возможно было только постпозитивное прилагательное и только в нечленной форме: «п собра *вои многы*. и поиде Черниговоу.» (Ип 112 1139) (всего 18 случаев). Ни одного случая отклонения от указанного соотношения в летописях не встретилось.

В словосочетании *князь великий*, особенно широко представленном в языке У, выработалось строго соблюдаемое соотношение между формой им. падежа, с одной стороны, и всех косвенных падежей, с другой. В первом случае прилагательное занимало только постпозитивное положение, во втором — только препозитивное. Вот характерный пример: «А воеводы *великого князя* — князь Иван Васильевич Стрига да Федор Васильевич Басенок — били под Русью, а иных имали»; «а *князь великий* стал в Якоубицах, и владыка Еуфимей с посадики добнина челом *великому князю*.» (У 278 об. — 279 1456). Очень большая употребительность словосочетания и отсутствие противоречащих фактов в основной части летописи свидетельствует о строго выдерживаемой норме. Исключения единичны и относятся к записям поздней части летописи (от середины XV в.); с постпозитивным прилагательным в род. п. встретилось 7 случаев, в дат. п. — 1. Данные, характеризующие употребление препозитивных прилагательных в косвенных падежах: род. п. — 92 случая, дат. — 40, вин. — 20, твор. п. — 7. Только раз в одной из самых поздних записей (от 1561 г.) встретилось препозитивное прилагательное в им. п. — при 88 случаях с постпозицией прилагательного.

В названии *Новъгородъ Великий* в косвенных падежах, как уже отмечалось, был возможен любой порядок следования членов. В именительном же падеже в летописях встречается только постпозиция прилагательного.

4. В ряде случаев определенный порядок следования членов стереотипного словосочетания связан с употреблением определенной морфологической формы прилагательного. Так, словосочетание *великую любовь* (полюбу) с членной формой прилагательного встречается в летописях только в таком виде (ср.: «Всеволодъ же бѣ имѧ *великую любовь* къ Рѣгъволоду и на ту любовь надѣася.») Ип 178 1159). С нечленной же формой прилагательного в этом словосочетании возможен любой порядок (ср.: «идохомъ къ Ярополку совокуплатиса на Броды. и *любовь велику* створихомъ» П 248 1096); «имѧ *великою любовью* к дѣтемъ Романовое.» (Ип 248 об. 1211).

5. Порядок расположения членов в словосочетании может в ряде случаев варьироваться в зависимости от того, в каком памятнике употреблено

данное словосочетание. Такая избирательность языка памятника не всегда зависела от его стилиевой и жанровой принадлежности — иногда разное расположение членов словосочетания наблюдается, например, в различных редакциях и списках летописи. При этом могло существовать и такое соотношение, при котором для одной группы памятников расположение членов словосочетания было безразличным, в то время как в другой группе памятников оно было строго определенным.

Так, словосочетание *съ честию (радостью, любовью) великою* в форме твор. падежа с постпозитивным прилагательным является исключительной принадлежностью Лаврентьевского и Ипатьевского списков в летописи (в Синодальном списке I Новгородской летописи встретился лишь 1 случай с постпозитивным прилагательным). В то же время с препозитивным прилагательным это словосочетание употребляется, помимо Лаврентьевского и Ипатьевского списков, также в Синодальном списке I Новгородской летописи, в Ремизовском списке Кунгурской летописи и в сочинении Котошихина.

В отношении словосочетания *князь великий* выше уже приводился материал, характеризующий различное оформление словосочетания в зависимости от памятника: в У в им. падеже была возможна только постпозиция прилагательного, в косвенных — только препозиция. В московских и северо-восточных грамотах XIV—XVI вв. в им. падеже действовали те же нормы, но в косвенных падежах допускалась и постпозиция прилагательного, особенно широко представленная в московских грамотах. Что касается других обследованных памятников, то в Л и в им. падеже, и в косвенных падежах одинаково возможны и пост-, и препозиция прилагательного, выбор той или иной модели не диктовался какими-либо условиями употребления словосочетания [ср.: «и повелъ великий князь всемъ людемъ изити из града и стоваромъ.» (Л 434 1208); «Тое же змы посла князь великий сѣна своего оупать Стослава Новугороду на княжьне.» (Л 434 1207); «тогда суцю великому князю в Переяславли.» (Л 416 1201); «и тогда суцю князю великому в Переяславли в полюдь.» (Л 408—409 1190)]. В Ип словосочетание употреблено лишь дважды, оба раза в форме косвенных падежей, с препозитивным прилагательным. В Р — также два раза, в косвенном падеже, с препозитивным прилагательным. Если для последних двух памятников из-за малой употребительности словосочетания о наличии каких-либо норм говорить не приходится, то в сочинении Котошихина существуют строго соблюдаемые нормы в расстановке членов этого словосочетания, отличные от всех более ранних памятников: прилагательное здесь всегда занимает первое место в словосочетании независимо от его падежной формы. Ни в косвенных, ни в им. падеже не встретилось ни одного случая с постпозицией прилагательного.

В словосочетании *великое княжиче*, из летописных текстов известном лишь в Синодальном списке I Новгородской летописи и в Устюжском летописном своде (в Ип не встретилось, в Л встретилось лишь 1 раз), первое место всегда занимает прилагательное (независимо от падежной формы). Известен лишь только 1 противоречащий случай из С (на 35 встретившихся случаев с препозицией прилагательного). В новгородских, московских и северо-восточных грамотах резких различий в употреблении этого словосочетания нет, однако положение несколько иное: при преобладающей препозиции отмечен и целый ряд случаев постпозиции прилагательного.

Отмеченные особенности взаиморасположения членов устойчивого словосочетания здесь рассматривались лишь в плане статическом, что в отношении материала несвободных словосочетаний оказывается, как правило, не противоречащим исторической перспективе: ведь устойчивая форма не-

свободного словосочетания, раз образовавшись в языке, имеет стремление сохраняться и стабилизироваться в данном виде. Многие словосочетания вообще бесследно исчезали из языка, не меняя при этом своей формы. Однако выяснение хронологических соотношений и исторических тенденций оказывается все же необходимым в ряде случаев. Дело в том, что некоторые словосочетания были захвачены общим процессом закрепления определенного места в словосочетании за согласуемым определяющим членом в зависимости от того, в какой синтаксической функции он выступал. Препозитивное положение в отношении существительного при этом все более прочно закреплялось за определением¹. В связи с этим в ряде устойчивых словосочетаний, ранее известных с различным порядком следования компонентов, к XVII в. становится возможной лишь препозиция прилагательного. Из обследованных нами памятников в этом отношении показательно, например, сочинение Котошихина, в языке которого вообще уже довольно последовательно выдерживается возникающая норма препозитивного расположения любого одиночного атрибутивного прилагательного. Можно было бы ожидать, что воздействию этой нормы особенно легко подвергнутся те устойчивые словосочетания, семантическая спаянность элементов которых была незначительной. Однако устойчивыми словосочетаниями, в которых прилагательное *великий* могло употребляться только в препозиции в отличие от более ранних памятников, в сочинении Котошихина оказываются и такие словосочетания терминологического характера: *великий князь*, *великий государь*, *Великий Новгородъ*. Тесная семантическая спаянность элементов здесь не явилась препятствием для проникновения норм, свойственных свободным словосочетаниям.

Таким образом, неизменность формы устойчивого словосочетания, требующая и фиксации расположения его членов, была свойственна не всем словосочетаниям и не зависела от степени их фразеологизации. О фиксированном расположении членов устойчивого словосочетания как элементе структуры его не всегда можно говорить в смысле исторической стабильности такого расположения². Гораздо более показательным здесь иногда оказывается наличие некоторых ограничительных условий, последовательно регулирующих реализацию возможных способов расположения членов устойчивого словосочетания. В этой последовательности проявляется своеобразная стилистическая избирательность языка.

¹ Количественный рост препозитивного использования прилагательного-определителя к голму древнерусского периода единодушно отмечается исследователями. Ср., например: Н. Д. Петрович, Синтаксис древнерусских грамот XIV—XV вв. Канд. диссерт., б/м., 1946; З. Д. Попова, Виды синтаксических связей в Азовской записной книге 1698—1699 гг. Канд. диссерт., Воронеж, 1954; Л. Шакун, Употребление именных и местоименных форм прилагательных в старорусском языке. Автореф. канд. диссерт., Минск, 1953; В. Unbegaun, La langue russe au XVI-e siècle, Paris, 1935.

² Ср., например, у В. Л. Архангельского: «Фразеологические единицы в огромном большинстве случаев сохраняют в своем построении порядок слов, обычный для той эпохи, в которую они возникали» (указ. соч., стр. 10).